

Пронь Д.С.
ПАКТ О НЕЙТРАЛИТЕТЕ МЕЖДУ ЯПОНИЕЙ И СССР
13 АПРЕЛЯ 1941 г. И ЕГО ДЕНОНСАЦИЯ: ЮРИДИЧЕСКИЙ КОЛЛАПС

С середины 1930-х гг. два очага агрессивных сил, виновных и ответственных за возникновение Второй мировой войны, с одной стороны, – гитлеровская Германия и фашистская Италия в Европе и Африке, с другой стороны, милитаристская Япония в Азии, серьёзно угрожали безопасности Советского Союза, особенно после подписания 25 сентября 1936 г. германо-японского Антикоминтерновского пакта [3, с. 455], направленного против СССР.

Нет необходимости доказывать, что в создавшихся условиях, основной задачей советской внешней политики было не только предотвращение войны, но и недопущение совместного нападения на страну и с Запада, и с Востока.

После разгрома частей японской Квантунской армии под Халхин-Голом в августе 1939 г. в результате четырехмесячной войны [1, с. 13] и подписания советско-германского договора «Молотова – Риббентропа» 23 августа 1939 г. [12, с. 407–408], позиция Японии в отношении

«молниеносной войны» против СССР подверглась переосмыслению и изменению, что сделало возможным подписание в апреле 1941 г. между двумя странами пакта о нейтралитете.

Как сам пакт, так и его денонсация советской стороной 5 апреля 1945 г. до сегодняшнего дня остаются в фокусе научных дискуссий ученых многих держав.

Автор статьи затрагивая исключительно юридические аспекты проблемы (чем обусловлены и новизна, и актуальность), вместе с тем, не может остаться в стороне, в силу объективно-правдивой оценки, от исторических подходов.

Заметим, что вышеобозначенная тема была предметом изучения достаточного количества исследователей. Среди них – Л.Н. Кутаков, Д.В. Петров, Х.Т. Эйдус, Л.Н. Кудашев, С.Л. Тихвинский, И.И. Коваленко, А.А. Кошкин, В.Л. Мальков, В.В. Седнев, Н.А. Нарочницкая, доминирующей аргументацией для которых является исключительно история международных отношений, внешней политики, дипломатии. Представленная статья «отдаёт предпочтение» юридическим подходам *pro et contra* («за и против»).

Официально проект советско-японского соглашения о нейтралитете был вручен наркому иностранных дел СССР В.М. Молотову послом Японии в Москве Того Сигенори 2 июля 1940 г. (состоял из трех статей, срок действия – 5 лет). После повторного посещения советского наркома 5 августа 1940 г., японской стороне только 14 августа В. Молотов вручил письменный ответ, пригласив Того, в котором подчеркивалось, что правительство СССР понимает, что «предложенное соглашение, как это видно из его содержания, будет не только договором о нейтралитете, но, по сути дела, это будет договор о ненападении...» [17, с. 266].

Повторный проект пакта, в связи с назначением нового японского посла генерал-лейтенанта в отставке Татекаву Йосицугу, был вручен 30 октября 1940 г. (содержал уже шесть статей и «сохранял силу» в течении десяти лет).

Особо хотелось бы обратить внимание на III и IV-ю статьи. Статья III свидетельствовала о том, что «Правительства обеих договаривающихся сторон будут поддерживать в будущем тесный контакт друг с другом для обмена информацией или для консультаций по вопросам, затрагивающим общие интересы обоих правительств». Статья IV указывала на то, что «Ни одна из договаривающихся сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которые прямо или косвенно направлена против другой стороны» [17, с. 268].

Согласно канонам международного права, действующих в тот период «государства вступают в договорные отношения, когда они договариваются друг с другом или с группой других государств взять на себя определенные обязательства». Документы, регистрирующие международные соглашения, носят различные названия: соглашение, договоренность, конвенция, декларация, обмен нотами ... «Все они обладают одинаковой юридической силой, но различаются по форме и формулировкам» [18, с. 184–185].

Поэтому неудивительно, что в ответном предложении советского правительства от 18 ноября 1940 г. подчеркивалось, что целесообразно говорить не о заключении пакта о ненападении, а о заключении пакта о нейтралитете (советский проект содержал три статьи, предлагал срок действия 5 лет и во многом повторял «вариант» японской стороны от 2 июля 1940 г.).

Во время визита в Европу с 12 марта по 22 апреля 1941 г. министра иностранных дел Японии Мацуока Йосуке [11, с. 169], после предварительной договоренности до его визита в Берлин 24 марта и на обратном пути из столицы Германии 7 апреля и после тщательных обоюдных консультативных встреч 9 апреля, 11–12 апреля (с советской стороны принимали участие Вышинский, Лозовский, Павлов, Царапкин, Забродин, с японской – Ниси, Миякава, Сакамото, Сайто, Хираока), несмотря на высказанное Мацуокой пожелание заключить пакт о ненападении, 13 апреля 1941 г. в Москве состоялось подписание пакта о нейтралитете (состоял из четырех статей и сохранял силу в течение пяти лет). В пакте, подписанном со стороны СССР В.М. Молотовым, а со стороны Японии Мацуокой Йосуке и Татекавой Йосицугу, особый интерес представляет первая статья. В ней указывалось на то, что «Обе Договаривающиеся стороны обязуются поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой Договаривающейся стороны» [13]. Примечательно, что в японском проекте 2 июля 1940 г. данная статья занимала вторую позицию, а в проектах 30 октября и 18 ноября (Японии, СССР – Д.П.) «переместилась» на первую «ступеньку». Автор уверен, что территориальная проблема (Курильские острова – Итуруп, Хабомаи, Кунашир, Шикотан), существующая между странами с XIX века и особенно обост-

рившаяся в современных условиях, была и остаётся центрально-ключевым звеном в российско-японских отношениях. Необходимо напомнить, что именно в 1940-м г. СССР выдвинул в качестве условия заключения будущего пакта с Японией получение Курильских островов [9, р. 10]. Правда, как считает профессор Кимура Хироси, который, по мнению российских японоведов, «входит в тройку лучших экспертов так называемого территориального вопроса» [20, с. 104], Сталин «в послевоенном хаосе захватил не только Южный Сахалин и восемнадцать Курильских островов, но еще в придачу предпринял попытку приобрести северную половину Хоккайдо» [7, с. 92].

Достаточно неясным, на первый взгляд, остается вопрос о трансформации формулировки японской стороной пакта о ненападении в пакт о нейтралитете. На наш взгляд, вина за «преобразование» данного юридически-правового акта, полностью лежит на представителях Японии, за что они, естественно, и ответственны.

Во-первых, поражает неискренность и двуличие министра иностранных дел Мацуока, который, подписывая пакт, был прекрасно осведомлён о готовящейся германо-советской войне, об этом утверждает и принц Коноэ Фумимаро в своём дневнике «Проигранная политика» [5, с. 41], который неоднократно возглавлял японское правительство. Этой точки зрения придерживается и военный историк Хаттори Такусиро, который пишет, что уже 15 мая 1941 г. «состоялось совещание руководящего состава генерального штаба, и был обсужден вопрос о возможности начала германо-советской войны» [19, с. 43].

Во-вторых, в приговоре Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 12 ноября 1948 г. чётко записано: «Было установлено, что Япония заключила пакт о нейтралитете неискренне и в качестве способа, который помог бы Японии осуществить свои агрессивные устремления против СССР» [1, с. 16].

В-третьих, как вспоминает М.И. Иванов, работающий с 1941 по 1946 гг. в консульском отделе советского посольства в Токио, «лёд враждебного отношения к нашей стране и после подписания пакта о нейтралитете таял более чем медленно. Советско-германские отношения накануне войны были предметом особого внимания дипломатического корпуса в Токио. Начиная с января 1941 г. упорно циркулировали слухи об ухудшении отношений между Германией и СССР. Больше других в этом неблагоприятном деле усердствовал пресс-атташе британского посольства в Токио Рэдман, возглавивший ... «английскую разведку в Японии» [5, с. 35–36].

5 апреля 1945 г. В.М. Молотов проинформировал посла Японии в СССР Сато Наотакэ о желании Советского Союза денонсировать пакт о нейтралитете [11, с. 223] в соответствии с его третьей статьёй («Если ни одна из Договаривающихся сторон не денонсирует Пакт за год до истечения срока, он будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет»)) [2, с. 550]. Мотивировала свое решение советская сторона тем, что «Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последний в её войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза». В заявлении правительства СССР также подчеркивалось, что из-за таких условий Пакт о нейтралитете «потерял смысл, и продление этого пакта стало невозможным» [4].

На возражение Сато, что пакт должен действовать до 25 апреля 1946 г., В.М. Молотов 29 мая 1945 г. ответил следующее: «Мы не разорвали пакт, а отказались его продлить» [16, с. 38].

До сегодняшнего времени даже среди российских учёных нет единой точки зрения касательно правовой оценки денонсации пакта. Например, А.А. Кириченко пишет: «Необходимо, наконец, честно признать, что Советский Союз в одностороннем порядке денонсировал договор о нейтралитете 5 апреля 1945 г., то есть за 1 год и 8 дней до окончания срока его действия. Раздаются голоса, что японцы неоднократно нарушали договор (топили советские суда, снабжали немцев разведывательной информацией и т.д.). Да, были такие случаи в 1941–1942 гг. Вот тогда-то и нужно было разорвать договор [15, с. 138]. Ему возражает известный и маститый профессор И.А. Латышев, подчёркивая, что «если следовать его [Кириченко – Д.П.] рассуждениям, то получится, что Советский Союз сам виноват в том, что Япония неоднократно и постоянно нарушала этот договор ... Исходя из здравого смысла Советский Союз до поры, до времени, не давал должного силового отпора провокационным выходкам Японии в те тяжёлые дни, когда вторжение гитлеровских полчищ угрожало самому существованию страны» [15, с. 145–146].

Американский японист Дж. Лэнсэн считает, что рано или поздно, но Япония также нарушила бы Пакт о нейтралитете [10, р. 37].

Как известно, различные степени легитимности могут потребоваться для денонсации договора в одностороннем порядке, среди которых: «а) коренные изменения обстоятельств, существующих на момент составления договора; ... с) возникновение войны; ... е) существенное нарушение договора другой стороной по договору» [18, с. 193].

Автор статьи, не занимая чью-либо сторону и, отбрасывая историческую (в том числе и обоюдную фактологическую аргументацию), придерживается юридической мотивации, вновь обращаясь к материал Токийского военного Трибунала 4–12 ноября 1948 г.: «Доказательства, предоставленные Трибуналу, указывают на то, что Япония, которая была далеко не нейтральной, которой она должна была быть в соответствии с пактом, заключенным с СССР, осуществляла значительную помощь Германии» (курсив – Д. П.) [14, с. 123; с. 150–152].

Исходя из выше изложенного можно сделать следующие выводы.

Во-первых, безусловно, можно было бы занять позицию, поддерживающую исключительно политику и действия СССР, а именно, – сослаться на доктрину «*rebus sic statibus*», когда условия, при которых заключался договор, существенно изменились и его исполнение считалось не обязательным.

Во-вторых, рассматривая вопросы внешней политики СССР накануне Великой Отечественной войны, не следует забывать об уроках и последствиях сталинизма [6]. При этом нельзя не напомнить современным потомкам самураев об одном из основных постулатов Кодекса Бусидо [«Хагакурэ»] (Сокрытое в листе), автор Ямамото Цунэтомо, 1716 г.] – «Проявлять великое сострадание и поступать во благо людям» [8, с. 261], что явно противоречит японским внешнеполитическим устремлениям середины 1930-х – первой половины 1940-х гг.

В-третьих, касательно пакта о нейтралитете между СССР и Японией, его последующей односторонней денонсации, автор статьи считает, что в данной ситуации наиболее приемлем и характерен принцип *guid pro guo* («что-то отданное взамен на другое»).

Литература

1. Березин, В.Н. Курс на добрососедство и сотрудничество и его противники (из истории нормализации отношений СССР с послевоенной Японией) / В.Н. Березин. – Москва: Международные отношения, 1977. – 144 с.
2. Внешняя политика СССР: сб. документов. – Москва: Гос. изд-во полит. литературы, 1946. – Т. 4. – 764 с.
3. Всесвітня історія: навч. посіб. / Б.М. Гончар [и др.]. – 3-тє вид. – Київ: Знання, 2007. – 694 с.
4. Заявление правительства СССР от 5 апреля 1945 г. // Известия. – 1945. – 6 апреля. – С. 1.
5. Иванов, М.И. Япония в годы войны (записки очевидца) / М.И. Иванов. – Москва: Глав. редакция восточн. лит-ры изд-ва «Наука», 1978. – 253 с.
6. История и сталинизм / сост. А.Н. Мерцалов. – Москва: Политиздат, 1991. – 448 с.
7. Кимура, Х. Курильская проблема. История японо-российских переговоров по пограничным вопросам / Хироси Кимура. – Киев: Юринком, 1996. – 240 с.
8. Кодекс Бусидо. Хагакурэ. Сокрытое в листе. – Москва: Эксмо, 2006. – 432 с.
9. Lensen, G.A. The Strange Neutrality / G.A. Lensen. – Talahasee: Farleign Dickinson University Press, 1972. – 188 p.
10. Lensen, G.A. Early Russo-Japanese Relations / G.A. Lensen // The Far Eastern Quarterly. – Vol. X. – № 1. – 1950. – P. 32–48.
11. Молодяков, В.Э. История Японии. XX век / В.Э. Молодяков, Э.В. Молодякова, С.Б. Маркарян. – Москва: ИВ РАН; Крафт+, 2007. – 528 с.
12. Нарочницкая, Н.А. Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? / Н.А. Нарочницкая, В.М. Фалин. – Москва: Вече, 2009. – 416 с.
13. Правда. – 1941. – 14 апреля. – С. 1.
14. Рагинский, М.Ю. Милитаристы на скамье подсудимых. По материалам Токийского и Хабаровского процессов / М.Ю. Рагинский. – Москва: Юридическая лит-ра, 1985. – 234 с.
15. Россия и Азия: состояние и перспективы сотрудничества / отв. ред. академик А.М. Хазанов. – Москва: ИВ РАН, 1995. – 152 с.
16. Славинский, Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941–1945 / Б.Н. Славинский. – Москва: Новина, 1995. – 204 с.
17. Тихвинский, С.Л. Век стремительных перемен / С.Л. Тихвинский. – Москва: Наука, 2005. – 541 с.
18. Фельтхэм, Р.Дж. Настольная книга дипломата / Р.Дж. Фельтхэм. – Минск: Новое знание, 2004. – 304 с.
19. Хаттори, Т. Япония в войне 1941–1945 гг. / Т. Хаттори – Москва: Воениздат, 1973. – 631 с.
20. Чугров, С.В. Большой зигзаг японской внешней политики / С.В. Чугров // Мировая экономика и международные отношения. – 2003. – № 3 – С. 102–105.